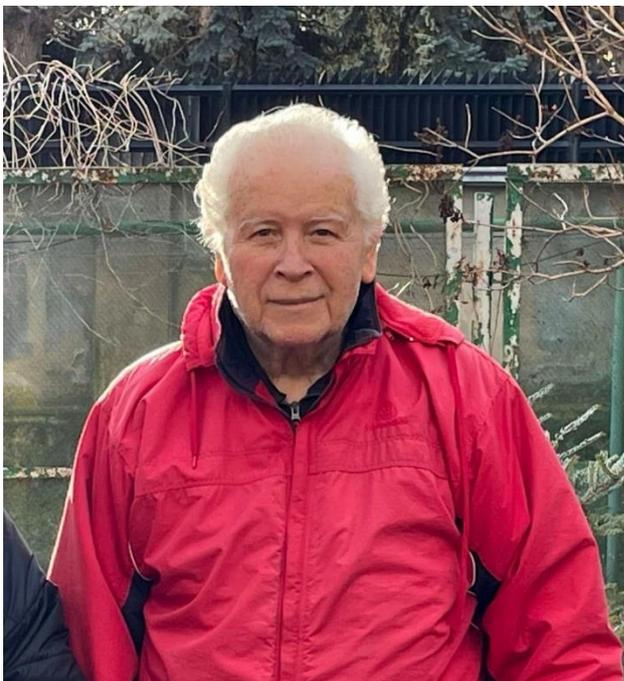

УДК 323.37; 323.396; 342.725

Степанов В. П.,
доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН,
заведующий кафедрой социальных наук и этнонациональных
процессов
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Немного везенья, немного терпенья и 96% труда: штрихи к портрету Семена Кузьмича Гроссу. Интервью с общественным и политическим деятелем Советской Молдавии

Представлено интервью с Семеном Кузьмичом Гроссу, общественным и политическим деятелем советской Молдавии, Председателем Совета Министров Молдавской ССР (1976 – 1981), первым секретарем ЦК Компартии МССР (1981 – 1989).

Ключевые слова: *С.К. Гроссу, МССР, сельское хозяйство, колхозное строительство, партийная и советская работа, общественные трансформации, национальные движения, языковой вопрос.*

Stepanov V.P.,
Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Social Anthropology and Ethnic Processes, Orel State University named after I.S. Turgenev

A little luck, a little patience and 96% of work: touches to the portrait of Semyon Kuzmich Grossu. Interview with a public and political figure Soviet Moldova

An interview is presented with Semyon Kuzmich Grossu, public and political figure of Soviet Moldova, Chairman of the Council of Ministers of the Moldavian SSR (1976 - 1981), First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the MSSR (1981 – 1989).

Keywords: *S.K. Grossu, MSSR, agriculture, collective farm construction, party and Soviet work, social transformations, national movements, language issue.*

Нет ничего интереснее человеческой жизни. Она складывается из быстротечных мгновений настоящего, которое формируется из нескончаемо сменяющихся объективных и субъективных обстоятельств, которые, в комплексе, оказывают влияние на индивидуальный жизненный путь.

Историческая наука не стоит на месте. Наряду с классическими подходами к изучению прошлого немалым вниманием среди специалистов стала пользоваться устная история. Ее индивидуальное проявление в воспоминаниях отдельного человека органично включается в историю коллективной памяти. Один из признанных в науке специалистов в области изучения коллективной памяти, ученик Эмиля Дюркгейма Морис Хальбвакс в своей концепции обратил внимание на то, что память не является индивидуальным явлением хранения впечатлений. В одной из своих работ Хальбвакс писал: «Каждый из нас в первую очередь является и большую часть времени остается замкнут в самом себе. Как в таком случае объяснить, что он коммуницирует с другими и согласовывает свои мысли с их мыслями? Приходится признать, что возникает своего рода искусственная среда, внешняя по отношению ко всем этим индивидуальным сознаниям, но охватывающая их, – некие коллективные время и пространство и коллективная история. Именно в таких рамках встречаются мысли (впечатления) индивидов, что подразумевает, что каждый из нас временно перестает быть самим собой. Вскоре мы возвращаемся в нас самих, привнося в свое сознание извне готовые опорные точки и системные единицы. К ним мы привязываем наши воспоминания, но между этими воспоминаниями и этими опорными точками нет никакой тесной связи, никакой общности существа. Именно поэтому эти исторические и общие понятия играют здесь лишь крайне второстепенную роль: они подразумевают, что уже существует автономная личная память. Коллективные воспоминания накладываются на воспоминания индивидуальные, обеспечивая нам гораздо более удобный и надежный контроль над последними; но для этого необходимо, чтобы уже существовали личные воспоминания» [Хальбвакс, 2005: 12].

В социологии 25 лет считаются временем прихода нового поколения, а значит – новой волны взглядов на повседневность. Чуть больше времени прошло после распада Советского Союза. Интерес и внимание к прошлому большой страны, переставшей существовать в одночасье, по-прежнему продолжает вызывать неподдельный интерес миллионов людей, о чем свидетельствуют многочисленные публикации на страницах Интернета. Советское прошлое является также частью той самой коллективной памяти, которая не только продолжает жить в головах миллионов, но и наполняет их сердца. Ведь любая память – это знание-переживание, это часть судьбы, личной, семейной, общественной. Для исследователя наша повседневность – важная временная площадка, позволяющая обратиться к непосредственным

современникам эпохи СССР, особенно интересны воспоминания людей, оказывавших непосредственное влияние на развитие советской системы, в том числе в республиках большой страны. На страницах данной публикации читатель получит возможность познакомиться с воспоминаниями неординарной личности – Семена Кузьмича Гроссу, занимавшего в Республике Молдова различные ответственные должности, в том числе в годы перестройки и всплеска национального самосознания. События той поры продолжают резонировать в сознании населения Молдовы вплоть до настоящего времени.

Безусловный интерес представляет не только личная судьба этого незаурядного человека, но и тонкие наблюдения за соратниками по политической деятельности разного времени. Читатель получит возможность окунуться в события советского строительства, в перестроечное время, в годы накала национально-языкового вопроса в Советской Молдавии. В воспоминаниях С. К. Гроссу, разумеется, носящих субъективный характер, представлены как узнаваемые политические лидеры, так и менее известные руководители. Это позволяет сделать собственные выводы о названных исторических событиях указанного времени и отдельных людях, оказавших влияние на их ход.

В. С.: Семен Кузьмич, прежде всего, позвольте поблагодарить Вас за согласие уделить время воспоминаниям! Итак, Вы родились в Одесской области, но вся Ваша жизнь и деятельность связаны с Молдавией?

С. Г.: Я родился в селе Сатул-Ноу, во время румынской оккупации, на территории Бессарабии. Сейчас этот населенный пункт называется Новоселовка, находится в Саратском районе Одесской области¹. Учился в украинской, а затем в молдавской школе. Окончил там 7 классов. После седьмого класса прочитал объявление из Молдавии, в котором говорилось о наборе студентов в Кокорозенский сельхозтехникум.

Многие ребята из нашего села поехали туда, поступили. А кто-то не поступил, вернулись обратно в село. Рассказывали, что в техникуме еще есть места, – недобор... Я к этому времени уже работа в совхозе. Тогда недалеко от нашего села создали совхоз «Большевик» – это было комплексное хозяйство, там занимались и виноградарско-винодельческим направлением и зерновыми, и пропашными. Так вот, я там работал... Мой дядя (дядя Коля – Кирев Николай Михайлович), живший недалеко от нас, пришел из своего села, чтобы поговорить со мной. Он сказал: «Давай, оставляй свой совхоз! Еще успеешь поработать, а сейчас учиться нужно!» Дядя с войны вернулся, был ранен, я уважал его, прислушивался.

Родителям от деда, носившего фамилию Гроссу, досталось много земли и скота. Хозяйство было большое. Все мужчины и мой отец Козьма Трофимович Навал (работал батраком у Гроссу и был им усыновлен) были на фронте. На

---

¹ Тут следует сделать небольшое отступление и привести цитату из воспоминаний дочери Семена Кузьмича, – Светланы: «Папа вообще необычный человек. Вообще ему по жизни везет! Он самый поздний ребенок в семье. Большая разница в возрасте между ним и его братом, лет семнадцать. Он был настолько желанным ребенком, что в день его рождения пригласили играть военный оркестр...» (Материалы из архива автора).

хозяйстве в одной семье осталась моя мама Пелагея Андреевна Кирев и я, совсем маленький, а в другой – жена маминого брата с сыном. Приходилось много работать, помогать матери.

Уже после войны, когда начали создавать колхоз, моя мама вступила в него в числе первых. Сдала в колхоз землю, скот, подводу... В нашей семье потом еще шутили: «Хорошо, что все сдали в колхоз, нет столько забот...»

В. С.: Репрессий семья не испытала, никого не наказывали за излишки?

С. Г.: Нет, что Вы! Организация колхозов осуществлялась спокойно. Когда мама вступила в колхоз, он еще не работал. А в соседнем хозяйстве образовался совхоз. Там каждую субботу выдавали заработную плату, и весь народ хлынул туда. Мама с ними поговорила и сказала: «Давай и ты иди туда работать!» Так я там и оказался.

В. С.: И уже после разговора с дядей, оставив работу в совхозе, Вы поступили в техникум?

С. Г.: Да, тогда было указание, кто идет учиться, тех освободить от работы. Мы с дядей подошли к бригадиру, я показал объявление о наборе в техникум. Меня сразу рассчитали. А уже через несколько дней я сел в поезд и приехал в Молдавию, поступать в сельхозтехникум. Вскоре было собеседование. Его проводил завуч – Николай Павлович Лупан, брат известного молдавского писателя Андрея Лупана².

Помню, Николай Павлович задал вопрос на «засыпку» или на сообразительность: «А почему Советская власть называется Советской?»

Когда пришла моя очередь отвечать (а я, как и остальные, не знал правильного ответа, поэтому ответил, как думал: мол, везде Советы работают, вот у нас в селе – сельский совет, в районе, говорю, – районный, потому что Советы управляют, руководят... В общем понравился ему мой ответ. Заметил меня Николай Павлович, запомнил.

Через несколько дней мне сообщили, что я принят на учебу, которая начнется в сентябре, а сейчас, если есть желание, я могу пойти поработать в соседнем саду, на уборке яблок. На что я с удовольствием согласился...

Так я стал студентом сельхозтехникума. Там я учился с 1949 по 1953 г. Нужно сказать, в селе учеба у меня не очень хорошо шла, потому что много помогал маме по хозяйству. Приду из школы, перекушу – и в поле, к ней на помощь. Только вечером на подводе домой возвращались.

В техникуме все было иначе. Все силы были брошены на учебу. С самого начала меня выбрали старостой. Я был поздоровее других, меня слушались (*смеется*). Там после войны был строгий порядок. Жили по расписанию –

---

² Андрей Павлович Лупан (2 (15 февраля) 1912, село Мигулены, Оргеевский уезд, Бессарабская губерния, Российская империя (ныне Шолданештский район Республики Молдова, Кишинев, Республика Молдова) – 24 августа 1992). Молдавский советский писатель и поэт, общественный деятель. Народный писатель Молдавской ССР (1982). Герой Социалистического Труда (1982). Автор прозаических произведений и стихов: Лицом к лицу. – Кишинев, 1957; Ноша своя. – Кишинев, 1970; Гингурел умнеет: Рассказы. Для мл. школ. возраста. – Киев: Веселка, 1978. – 127 с.; Добро носящий: Стихи. – М.: Детская литература, 1980. – 128 с.; Еще о любви: Рассказы разных лет. – Кишинев: Лит. артистикэ, 1981. – 352 с.; Добрый знак: Стихи. – Киев: Рад. пьсьмэннык, 1987. – 108 с.; Стихи. – М.: Худож. лит., 1987. – 334 с.; Прятки: Стихи. – Кишинев: Лит. артистикэ, 1989. – 40 с. и др.

учеба, работа, отдых. Все делалось по звонку. Я как староста отвечал за порядок в классе. Там уже начал учиться основательно. С первого же курса все экзамены сдавал на пятерки. Техникум окончил с отличием и получил право поступать в институт без экзаменов и без отсрочки. Тогда ведь как было? После техникума нужно было два года отработать и только после этого разрешалось поступать в вуз.

В. С.: В какой институт Вы поступили?

С. Г.: Поступил по тому же профилю – в Кишиневский сельскохозяйственный, на агрономический факультет. В институте учился с 1953 по 1959 г. Группа была большая – 28 студентов, сложился, как тогда говорили, хороший треугольник (так называлось руководство группы): я был комсоргом этой группы, парень из города Рыбница по фамилии Молдаван Михаил Яковлевич – старостой, третий, Петр Павлович Онуприенко, из Черкасской области, – профоргом. Этот парень был постарше, уже после армии.

Начали мы хорошо, тогда был строгий порядок! Ребята не нарушали дисциплину, учились. Четыре года из пяти мы завоевывали знамя факультета среди других групп.

Тогда я занимался спортом – метанием ядра и толканием молота. На первом курсе были соревнования среди вузов Закавказья и Молдовы. Вернулся уже поздно осенью, неожиданно у меня начался кашель, затем появился бронхит, потом обнаружилось крупозное воспаление легких.

Был у нас заведующий военной кафедрой, полковник в отставке Герасименко. Хороший преподаватель. Я у него не плохо знал материальную часть. Ребята-молдаване в основном не очень-то с русским языком дружили, многого не понимали, оттого плохо запоминали. А мне все давалось легко. Герасименко ко мне хорошо относился. Узнав о моем заболевании, сказал:

– Ничего страшного, но тебе лучше на год прервать учебу. У вас дома корова есть?

– Есть, – отвечаю.

– Вот и надо пить свежее парное молоко!

А потом, когда я в диспансер приехал, у меня спрашивают, буду ли я брать академический отпуск. Отвечаю, что вот, мол, рекомендуют. Врач согласился.

Так я оказался снова в родном селе, на юге. Год лечился, ездил в Одессу на консультацию в больницу. Но время и молодой организм справились с недугом. Я вернулся к учебе.

Спорт не бросил, но поменял вид занятий. Если раньше я занимался легкой атлетикой – метанием ядра и копья, то сейчас перешел на волейбол. Играл за сборную института все оставшиеся четыре года учебы.

Институт я окончил с одной тройкой – по физике, остальные оценки были «отлично» и «хорошо».

В. С.: А в армию Вас не призывали?

С. Г.: Нет, у нас была военная кафедра, мы там все азы военной подготовки усвоили.

В. С.: А когда Вы окончили институт, как сложилась Ваша судьба? Куда пошли работать?

С. Г.: Как обычно! Меня спросили: «Вы желаете куда-нибудь конкретно?» Я говорю: «Мне все равно, но я с юга, мать уже в преклонном возрасте, поэтому желательно было бы поближе к Сарате». Да, я не сказал, что после окончания института сразу поступил в аспирантуру, на кафедру организации и управления в сельском хозяйстве. Заведующим кафедрой был тогда Иван Петрович Шевчук. Ну, меня и направили в Олонешский район, который потом некоторое время назывался Суворовским, а ныне это район Штефан Водэ, Приехал я туда, пошел в райисполком, представился. Там был начальником управления Жемайтис. Он предложил: «Давай в колхоз „Заря“, здесь рядом!»

Это было недалеко от Сараты. В этом колхозе с 12 апреля 1959 г. я полтора года проработал агрономом. Старался, внедрял новые достижения науки, которые подчерпнул в институте. Тесно работал с другими агрономами, механизаторами. Тогда же создали большой Каушанский район, в него вошел и бывший Олонештский. И вот в один, прекрасный день, 2 января 61 г. меня вызвали в райком партии к первому секретарю Кириллу Виссарионовичу Волнянскому. Он меня спросил, откуда я, чем занимаюсь, являюсь ли членом партии... Я тогда даже кандидатом в члены партии не был, только документы готовил. Последовал вопрос: «А почему еще не вступил в партию?» Объясняю, что меньше года работаю, парторганизация решила, что должен еще себя показать... «Хорошо, говорит, – вот сейчас мы поедем и выберем тебя председателем колхоза. Здесь у нас большой колхоз имени Мичурина, много там народу, земли, скота, а дела неважные, плохие, прямо скажем, дела. Поэтому мы решили направить туда молодого специалиста. Как Вы на это смотрите?» Отвечаю: «Как решит райком, как решат колхозники, так и будет».

Сели в машину, в такой «вездеход» – ГАЗ-69, и поехали. Оказалось, он заранее все подготовил. Приехали, люди уже собрались, в большом таком коровнике или конюшне. Солома там на полу.

Надо сказать, что колхоз этот имел свою специфику. Руководителями хозяйства были люди без образования, окончили только Тираспольскую совпартшколу. Председателем колхоза был Болтенко, заместителем – Жеренко, а секретарем парторганизации – Старенко. Все трое закончили Тираспольскую совпартшколу. В колхозе был только один агроном с Западной Украины, – Владимир Петрович Березневич, но тоже без образования, и в возрасте уже был человек, даже ходил с трудом. По существу, колхозом никто не управлял. Руководство собиралось утром, давали наряды, а после этого сразу в подвал спускались. Там закусывали, пили и на этом все кончалось...

Короче говоря, я с первых дней все переломал. Всех освободили от занимаемых должностей. На эти места я пока не стал никого назначать, но постоянно думал о кадровом пополнении колхоза. По существу, за несколько месяцев ситуацию удалось изменить. За это время я привез 18 человек. На следующий год – еще 18 человек с институтскими дипломами. В основном привозил семейных. Помогал мне в этом Шевчук, завкафедрой, к которой я

был прикреплен аспирантом. Часто за людьми я сам ездил, садился за руль и привозил их на новое место работы и жизни. Причем эти кадры работали не специалистами, а в основном бригадирами. Я сделал ставку на бригады, на производителя. Специалисты же, собственно, производством занимаются постольку-поскольку, они непосредственно продукцию не выпускают. В бригадах свежие кадры получали зарплату как специалисты с высшим образованием, а чуть позже, когда я перевел колхоз на хозрасчет, они получали деньги уже исходя из хозрасчета. Получали рубль на рубль, рубль пятьдесят на рубль, короче, люди с большей охотой шли работать в бригаду, нежели специалистами. Их жены – другое дело: трудились в парниках, выполняли другую работу, а мужики все стремились в бригады.

Первоначально я привез семью агрономов по фамилии Малаке сразу сделал их бригадирами, затем – инженера-строителя Мельникова с семьей. Жена его стала главным экономистом, а его я назначил бригадиром строительной бригады. Привез главного инженера, зоотехника, агронома-виноградаря – всех с семьями.

Но это происходило позже, а началось все с выборов меня председателем, о которых я начал рассказывать. Вошли мы, значит, с Волнянским к собравшимся людям. Первый секретарь сел за большой стол, а я – в зале. Волнянский знал сложную ситуацию, сложившуюся в колхозе. Он неоднократно приезжал в хозяйство, люди не получали зарплату годами. Он ходил по бригадам, разговаривал с народом. Ему жаловались, просили поменять руководство. Поэтому, заняв свое место, он сразу обратился к присутствующим: «Вы ставили передо мной вопрос, я привез вам нового председателя!» А потом – ко мне: «Идите, пожалуйста, сюда и расскажите о себе».

Но тут колхозники начали возмущаться, требуя от Волнянского, чтобы перед ними отчитался действующий председатель Болтенко о задолженностях перед колхозниками и сроках их выплат.

Болтенко заявил, что готов отчитаться перед коллективом, но Волнянский не дал ему слова, подчеркнув:

– Мы приехали выбирать нового председателя, это не отчетно-выборное собрание!..»

Ну и началась катавасия. Собрание длилось долго – с первой половины дня до позднего вечера. Я сидел как на иголках и мысленно умолял, чтобы выборы не состоялись. Я уже видел, куда меня привез первый секретарь и что мне предстоит расхлебывать. Они кричали, ругались. Волнянский несколько раз ставил вопрос на голосование. Голосование не получалось. Он обиделся, собрал со стола бумаги (он без руки был), нервно засунул их в папку и, обратившись к присутствующим, бросил:

– Не хотите, не надо. Работайте и живите, как хотите! – и стал выбираться из-за стола.

Но тут из дальней части зала один колхозник обратился к нему:

– Товарищ Волнянский, подождите, пусть он сам нам скажет, этот ваш молодой председатель, пускай он нам расскажет, что он нам будет давать!

Волнянский сказал мне, чтобы я выступил перед собравшимися, и добавил:

– Иди и скажи людям, что ты будешь им давать, все скажи, каким ты видишь будущее колхоза!

Мне тогда было 25 лет. Идя к трибуне, я уже начал говорить о том, что я только окончил институт и что у меня совсем небольшой опыт работы. Сказал, что мне нечего давать колхозникам и что мы будем вместе работать, будем много производить и все, что произведем, будем честно распределять, и так далее...

А тот колхозник, который попросил, чтобы я выступил (он выпивший был), выкрикнул:

– О, это наш товарищ! У него ничего нет, у нас ничего нет, вот будет колхоз!.. *(смеется)*

Забыл сказать, Волнянский не знал молдавского языка. Ему всегда переводили. Вот и тогда ему переводил будущий секретарь партоганизации колхоза, директор школы Петр Леонтьевич Буднюк. Услышав реплику из зала, Волнянский попросил перевести. Буднюк и перевел:

– Говорят: это наш человек!

Волнянский сразу вернулся за стол председателя собрания и говорит:

– Поступило предложение избрать Семена Кузьмича Гроссу председателем колхоза!

Сам первым поднимает руку, за ним следом начинают поднимать руки в зале. Не много, процентов 25–30.

– Вот, – говорит Волнянский, – товарищи-колхозники, единогласно! Товарищ Гроссу избран председателем колхоза.

Пожал мне руку, пожелал успехов. Сказал, что мы будем вместе работать, встречаться на полях, фермах, в райкоме... И уехал. Поздно уже было, ночь. А я остался со свалившимся на меня грузом забот... Только председатель парторганизации стоял рядом, он тоже провожал первого секретаря райкома партии. Так я стал председателем колхоза! Произошло это 5 января 1961 г.

Колхоз был очень большой, с огромными возможностями, только две тысячи гектаров плавневых земель. Потом построили дамбу, поля уже не заливало. Фермы были большие. Труднее всего было наладить работу коллектива. С чего начал? С борьбы с пьянством. Двадцать восемь бригадиров – и все пьяницы. На работу поначалу никто трезвым не выходил. Я начал их снимать с должностей: зашел в бригаду, вижу – пришел пьяный, вызываю звеньевое, составляю документ. Вечером проводим правление и принимаем решение. Одним порицание давали, другим отсрочку – до следующего раза. Как только встречал пьяным, сразу увольнял. В общем, наведение трудовой дисциплины и завоз специалистов были первыми шагами по исправлению ситуации в хозяйстве.

В первый год мы рассчитались с колхозниками за долги прошлых лет, стали регулярно выплачивать зарплату. Колхоз заработал деньги от продажи продукции. Занялись строительством хозяйственной инфраструктуры. Первой построили свиноводческую ферму, потом пришло время заняться

откормочным хозяйством для бычков из других районных хозяйств, это нам райком порекомендовал... Затем построили птицефабрику. Вообще, удалось создать хорошую базу для животноводства. Построили дом культуры на 1000 мест, самый крупный в республике. Спустя время вышли мы из зоны критики. Колхоз имени Мичурина уже стали хвалить в районе.

Проработал я в этом колхозе 4 года. Поднял экономический уровень хозяйства в пять раз. Когда я пришел, в хозяйстве был один миллион рублей, когда уходил – уже 4 миллиона 900 тысяч.

В этом колхозе я прошел жесткую, но очень хорошую школу. Когда были решены кадровые вопросы и запущен нормальный производственный процесс, я перевел колхоз на хозрасчет.

Руководя колхозом, продолжал учебу в аспирантуре. Тему мне определили на тот период весьма актуальную – «Хозяйственный расчет и закон стоимости при социализме». Мой научный руководитель Иван Петрович Шевчук, как я уже говорил, – заведующий кафедрой организации и управления в сельском хозяйстве Кишиневского сельхозинститута. Шевчук взял в помощники заведующего кафедрой бухгалтерского учета Иосифа Моисеевича Перельберга, и они вдвоем частенько приезжали ко мне в колхоз: проверяли работу бригад на хозрасчете, распределение благ среди колхозников и т. д.

В. С.: А где Вы оказались после работы председателем колхоза?

С. Г.: Меня перевели в райцентр. Дело в том, что тогда создавались новые районы. Иван Иванович Бодюл решил создать Суворовский район. Он там работал в Волонтировке первым секретарем.

Каушанский район был огромным и неподъемным, и решили вновь создать Суворовский район.

В. С.: В каком году это было?

С. Г.: В 1965, в январе. Ну, и начался подбор кадров – первого секретаря, председателя райисполкома... Было принято решение перевести меня начальником управления сельского хозяйства по этому району. Решение о моем переводе принадлежало первому секретарю ЦК Компартии Молдавии Ивану Ивановичу Бодюлу. Расскажу, как с ним познакомился. Уже работая председателем, в начале лета 1961 г. попал я на заседание районного актива, на котором присутствовал Иван Иванович. Там и состоялось наше знакомство. Он приехал на актив не как обычно – через Бендеры в Каушаны, а через Копанку, то есть через Бендеры, Копанку и дальше – на Талмазы, по дамбе.

Проезжая по дамбе, он увидел старые талмазские сады, необработанные, одни рытвины, канавы, заливаемые постоянно. В общем, безобразие невероятное!

Я сам хотел начать корчевку, но ко мне подходили бригадиры, говорили, что это единственное богатство колхоза, мол как Вы будете корчевать, колхозники нам не дадут... Я и к одному подходил и к другому, но сам не решался принимать такое решение. Иван Иванович сразу начал с этого вопроса: «Кто есть из Талмаз?» Встаю. «Я, – говорю, – председатель колхоза Гроссу». «А ну-ка иди сюда!» Вышел я на трибуну... «А ну-ка, расскажи, что

там у вас в колхозе творится! Почему все не обработано, почему все в бурьяне, почему сады заброшены?!»

Я начал там что-то говорить, он мне не давал, он сам уже был настроен на критику, досталось и Талмазам, и колхозу, и мне. Потом первый секретарь (тогда уже не Волнянский был, а Скрипка) вступился за меня, сказал, что я только несколько месяцев работаю, недавно колхоз принял. А Иван Иванович будто этого ждал и переключился с меня на Скрипку и членов бюро. Я стою за трибуной, а они между собой продолжают разговор. Бодюл, наконец, повернулся ко мне: «Что стоишь, иди садись!..»

Так состоялось наше знакомство.

После собрания я пошел к Скрипке, а он сам меня уже искал. Спрашивает:

– Что думаешь делать?

– Планы по корчеванию садов я давно вынашиваю, обсуждал с колхозниками, они были против. Но после состоявшегося сегодня разговора дело будет обстоять по-другому.

– Что тебе нужно для этого?

– В Олонештах сохранилась сельхозтехника, Гаврилович там руководит (хороший был руководитель), дайте мне 8–10 мощных тракторов – С-100, С-80, и мы до осени все повыкорчевываем, все проинвентаризуем, а в будущем году уже будем сеять помидоры.

Скрипка, скептически посмотрел на меня, усомнился в сроках. А я ему говорю, что все реально:

– Корчевку будут делать тяжелые трактора, трелевку мы сделаем своей техникой, а больше, собственно, ничего и не надо.

Так он и сделал, пригласил Гавриловича, дал поручение относительно помощи тракторами. Приехал я с председателем парторганизации, и вместе с Гавриловичем поехали смотреть на предстоящий фронт работ. Он посмотрел на старые сады и сказал, что для его техники выкорчевать старые сливы ничего не стоит.

Ну, и начали работу. Я создал бригады, назначил бригадиров, подвозил соляру – и работа пошла. Большими тракторами осуществили выкорчевку, нашими тракторами ДТ, маленькими, все деревья были вытянуты на край массива. Засыпали все гирла, по которым вода поднималась в сады. Мощными тралевщиками разровняли все плавни. Разравнивали и распахивали не обычными плугами, а плантажом³. К осени основные работы практически были закончены. А на следующий год подготовили парники, вырастили рассаду и посадили помидоры. Засадили более 200 гектаров. Это был единый массив. Осенью он представлял собой нечто невероятное, это было красное поле, такое огромное, что не было видно его границ.

Вновь в район приехал Иван Иванович. Приехал, конечно, в район и неожиданно заявил, что хочет посмотреть, что делается на полях в Талмазах.

---

³ Плантажная вспашка обеспечивает разрыхление почвы на большую глубину, в результате чего верхний слой почвы оказывается внизу, а нижний поднимается вверх.

Первым секретарем райкома тогда был уже Иван Александрович Гумович. Звонит мне и говорит:

– Приехал первый. Мы даже подготовиться не успели, а он уже уехал к вам.

Прибыл Иван Иванович, и сразу на те массивы, которые критиковал, где старые сады росли. Заезжаем с одной стороны красного поля, едем до другого конца бригады (там бригады работали, люди собирали помидоры). Урожай был очень хороший, а приемки не было. Некуда нам было их сдавать, поэтому продукцию везли в Тирасполь на Октябрьский завод. Была проблема с тарой. Урожай не во что было складывать. Женщины днем собирали помидоры, укладывали их в ящики, а затем в бурты. На поле стояло много таких буртов.

Подъехали мы, вышли из машины, я представляю Ивана Ивановича. А женщины меня перебивают:

– Да знаем мы Ивана Ивановича! Вы нам другое скажите: сколько можно над нами издеваться?! Мы днем собираем помидоры, ночью здесь сидим, складываем их в ящики. Ящики не успевают нам возвращать!..

Я их успокаивал и так и этак, потом пришлось по-хозяйски прикрикнуть. Успокоились. Иван Иванович посмотрел внимательно и спрашивает:

– А отчего вы так много собираете?

Отвечаю:

– Ну, не пропадать же урожаю! Собираем потихоньку, сдаем. По тысяче тонн собираем. Женщинам, конечно тяжело...

Побывали мы и в других овощных бригадах. Иван Иванович посмотрел работу, поговорил с людьми, и тон разговора изменился. По-деловому спросил:

– Что нужно, в чем нуждаетесь?

– Нужно построить здесь пункт приемки Тираспольского овощного завода, чтобы облегчить производственный процесс.

– А где построить?

– У берега Днестра, – объясняю, – недалеко, есть подстанция, там и электричество подведено, и вода есть. Если там поставить насосы, пустить шланги на другой берег Днестра, то можно гнать по ним пульпу, а дальше – пульповозами, пусть Тираспольский завод себе эту пульпу берет, для изготовления конечного продукта.

Он сделал у себя заметку, буквально на следующий день приехала комиссия во главе с Оноприенко, он тогда был начальником заготовительной организации. И через месяц заработал пункт по приемке и переработке сельхозпродукции. Мы уже сдавали ее не в ящиках, а в виде пульпы. В колхозе были созданы 18 бригад по выращиванию томатов, что позволило увеличить объем производства до 25000 тонн.

В. С.: В общем, когда Вы стали руководить территориальным производственным сельскохозяйственным управлением Суворовского района, Иван Иванович успел проверить Вас в деле!

С. Г.: Мое новое назначение 1 января 1965 г. совпало с инициативой Хрущева, который создавал территориальные производственные управления при райисполкомах. Когда формировался новый Суворовский район, на пленуме ЦК избрали первого секретаря райкома, его заместителей, а на последовавшей сессии ЦК меня выдвинули руководить территориальным производственным сельскохозяйственным управлением и заместителем председателя райисполкома. Исполкомом тогда руководил Николай Михайлович Мезенцев из Каушанского района, в последующем он туда и перешел. Конечно, все кандидатуры утверждались Иваном Ивановичем.

Начал я работать на новом месте. По всему району стали внедрять хозрасчет. Эта работа в районе совпала с внедрением в республике новой политики в сельском хозяйстве, речь идет о концентрации и специализации сельскохозяйственного производства. За время работы в районе я успел разделить его на три зоны по специализации сельхозпродукции: приднестровскую зону сделал овощной, холмистую и приравнинную зону сделал виноградной и привязал ее к Пуркарской зоне⁴, а вся степная зона стала табаководческой. Сформировали специализированные бригады, создали специализированные производства, поставили все на научную основу. Производство стало рентабельным, пошла качественная продукция. Табак, например, стали сдавать первого сорта, немного было второго, а раньше он в основном шел третьим сортом. Виноградная зона стала работать по типу Пуркарской, а овощная зона у Днестра стала ориентировать свою работу на мичуринские земли.

Построили еще две линии по переработке овощей, одна из которых располагалась в Олонештском районе. Пульпу отправляли оттуда прямо на консервные заводы. Построили крупный завод по переработке овощей в Каушанах и уже возили сельхозпродукцию туда, что было гораздо ближе, нежели в Тирасполь. Это позволило наладить сбыт сельхозпродукции по крупному, большими партиями. Что касается животноводства, то его распределили по всем хозяйствам. Овощная, орошаемая зона – в основном молочное животноводство. Занимались специализированно свиноводством. Стали строить межхозяйственные свиноводческие комплексы. Построили две птицефабрики в Талмазах и в Волонтировке, для производства яиц.

В. С.: А с Иваном Ивановичем Бодюлом Вы продолжали контактировать?

С. Г.: В следующий раз Иван Иванович приехал через год. Мне позвонил Александр Иванович Бумович, сообщил, что к нам едет Бодюл, и добавил:

– Он же приедет, когда уже поздно будет, Вы хоть накормите Ивана Ивановича.

– Конечно, – отвечаю.

Забыл сказать, что я еще сделал в первый год работы, – посеял зеленый горошек. Там, на тех самых, обработанных плавневых землях было засеяно

---

⁴ Пуркарская зона расположена на территории Республики Молдова вдоль западного побережья Днестра. Славится красными винами «Roșu de Purcari» и «Negru de Purcari». Берет название от населенного пункта Пуркарь (Пуркары), где, собственно, и расположен винодельческий завод. Пуркарские вина известны далеко за пределами Республики Молдова.

горохом около 100 гектаров. Спрос на него был очень большой, но хозяйства брались за его выращивание с неохотой, поскольку он требует большого числа рабочих рук. А в Талмазах людей было много, около 10 000 человек. В колхозе работало 8 000 колхозников. Они хорошо зарабатывали. Мы тесно сотрудничали с Тираспольским заводом, он перечислял деньги каждую субботу, а каждое воскресенье в колхозе была зарплата.

Уже и отношение, и разговор были другими. Иван Иванович приехал уже как к хорошо знакомым людям.

Тут подходит Александр Иванович и обращается к Бодюлу:

– Иван Иванович, не желаете на берегу Днестра руки ополоснуть, немного отдохнуть?

Иван Иванович спрашивает:

– Далеко?

– Да нет, вот тут за дамбой!

– Ну, поехали!

Водители развернули машины и через десять минут мы уже ели уху у бакенщика дяди Леши. Была наваристая уха, вкусная рыба и белое вино. К вину Иван Иванович не притронулся, а вот рыбе и ухе должное отдал...

Завязался разговор, Иван Иванович начал меня расспрашивать с кем я учился, где еще мои однокурсники трудятся, чем занимаются. К тому времени мой одноклассник Михаил Яковлевич Молдаван, окончил, как и я, аспирантуру и трудился в Академии наук Молдавии, многие мои сокурсники руководили колхозами в разных частях республики. Я так и рассказывал. Засиделись мы так допоздна. Попрощались, Бодюл уехал.

А через год продолжилось реформирование районов. Начали создавать Криулянский, Ниспоренский и, кажется, Дубоссарский районы. Был, как я помню, январь. Вызвали нас в Кишинев, в старое здание ЦК. Нас, приглашенных, было трое – Григорий Иванович Василати (он работал в другом районе, потом стал министром лесного хозяйства), я и Вячеслав Александрович Проценко, который работал в селе Поповка, его хозяйство граничило с колхозом в Талмазах.

Иван Иванович вел Бюро ЦК. Он поставил вопрос о кадрах. Речь шла, в частности, о назначении первых секретарей. Начал он с Каушанского района, созданного на основе четырех районов. В него была включена часть Дубоссарского района – те населенные пункты, которые располагались по правой стороне Днестра, туда же вошли периферийные, самые неэффективные хозяйства Новоаненского, Страшенского и Оргеевского районов. Вот так, по пять, по шесть хозяйств.

Началось обсуждение кандидатур. Члены Бюро заспорили, начали предлагать Василати, Проценко. Иван Иванович послушал и сказал:

– Гроссу работал на берегу Днестра, давайте мы его туда направим.

Ну, раз поднял вопрос Иван Иванович, остальные его поддержали.

Примерно через неделю состоялся пленум райкома партии, и с 12 января 1967 г. я приступил к исполнению обязанностей первого секретаря партии Криулянского района. С первых дней в райкоме начал то же самое, что делал

в Суворовском районе, – стал наводить порядок в периферийных хозяйствах. А для этого следовало разобраться с кадрами. Ситуация с кадрами там была такой же, как в колхозе им. Мичурина, когда я только начинал там работать: никаких специалистов, а среди тех, что были, имелись работающие без особого рвения. Конечно, положение следовало менять. Я снова стал привлекать к работе выпускников сельхозинститута в качестве новых руководителей колхозов, специализированных производств, партийных организаций и т. п. Одновременно создавались крупные животноводческие комплексы. Начали строить Вадул-луй-Водскую птицефабрику, по обеспечению Кишинева мясом, Флоренскую яичную птицефабрику, тоже для обеспечения молдавской столицы, Чимишенскую свинофабрику на 54 тыс. голов, а также стали отстраивать и ремонтировать колхозные молочные фермы, чтобы наладить производство молока на прочной основе. Здесь была хорошая межколхозная строительная организация. Дело в том, что я не дал распасться строительным организациям, которые были в регионах республики при создании нового, Каушанского района, и мы строили очень быстро. В результате довольно скоро животноводство и птицеводство перевели на промышленные масштабы. А уже через 5 лет в райком стало приезжать высшее начальство. Второй секретарь ЦК КПМ Юрий Дмитриевич Мельков много ездил со мной по району: «А ну, что ты там строишь, что ты там делаешь?». А до этого был Иван Иванович, тоже ездил со мной, смотрел, спрашивал. Особенно его интересовали птицефабрики. Они тогда в моде были. Приезжал Воронин Петр Васильевич – председатель народного контроля Молдавской ССР, тоже ездил с проверками. Приезжали многие члены Бюро ЦК КП Молдавии: Борис Александрович Шешов, заведующий промышленно-транспортным отделом ЦК КПМ и заместитель председателя Бюро ЦК КПМ по руководству промышленностью, Павел Петрович Петрик, секретарь ЦК КПМ. Многие приезжали на объекты, а я только потом узнавал об этом. Была и такая практика тогда. Говорили прямо, что хорошо, что не так.

А в 1968 г. начались серьезные кадровые изменения. Меня пригласил к себе Иван Иванович и сказал:

– Мы посоветовались, посмотрели, есть необходимость избрать нового секретаря ЦК по сельскому хозяйству. Среди кандидатов есть и Ваша кандидатура. Как Вы на это смотрите?

Ну, я отвечаю:

– Иван Иванович, как Вы скажете, так и будет!

– Хорошо, – отвечает, скоро состоится пленум Центрального Комитета, будем избирать секретарей, тогда и Ваш вопрос рассмотрим. Вот тогда избрали секретаря по идеологии, а я стал секретарем не по сельскому хозяйству а по АПК⁵. Это произошло 17 мая 1970 г. Мне сразу передали и перерабатывающую промышленность. То есть я занимался сельским хозяйством и перерабатывающей промышленностью. АПК были делом

---

⁵ АПК – аграрно-промышленный комплекс.

новым. Инициатива их создания принадлежит Бодюлу. С этой идеей он ездил в ЦК КПСС, оттуда получил полное одобрение.

А меня он нашел потому, что я был в курсе дела. Я давно занимался некоторыми отраслями, агростроительством, сельским хозяйством, кадрами.

Секретарем по АПК я проработал пять лет. Потом Ивана Ивановича пригласили на работу в Совет Министров СССР, заместителем Алексея Николаевича Косыгина.

К тому времени я уже был председателем Совета Министров МССР, на этот пост меня назначили с началом учебного года – 1 сентября 1976 г. Дело в том, что находящегося на этой должности Петра Андреевича Паскаря выдвинули заместителем председателя Госплана Николая Константиновича Байбакова, а меня на сессии Верховного Совета избрали председателем Совета Министров после 5 лет работы секретарем по АПК. Но когда Ивана Ивановича взяли заместителем к Косыгину, тогда меня уже выдвинули в Центральный Комитет Компартии. 1 января 1980 г. я был избран первым секретарем и членом Бюро ЦК Компартии Молдавии.

В. С.: Как Вы, в целом, оцениваете Иван Ивановича как руководителя?

С. Г.: Иван Иванович, по существу, стал во главе реформ по концентрации специализации в сельском хозяйстве, аграрно-промышленной интеграции, когда создавались совхоз-заводы по производству и переработке сельхозпродукции, налаживалась межхозяйственная кооперация, активизировалось строительство животноводческих комплексов и молочных ферм...

Работа по наращиванию мощностей сельского хозяйства не очень стабильно проводилась Центральным Комитетом КПСС, а Иван Иванович очень активно, а самое главное – успешно осуществлял ее в Молдавии. Повторюсь – очень активно! Он был чрезвычайно требовательным, порой резким и одновременно очень исполнительным. Если им принималось решение что-то делать, тогда он сам работал и все вокруг тоже трудились. Но зато дела в республике пошли совершенно по-другому.

До Бодюла республикой руководили разные товарищи: и Зиновий Тимофеевич Сердюк, и Леонид Ильич Брежнев, и другие, но они осуществляли, так сказать, общее руководство всей республикой, а Иван Иванович сделал ставку на производство. Брежнев в основном занимался подъемом зяби. Я помню те годы. Он смотрел сводки, садился за телефон и требовал отчета, сколько подняли зяби. Такая практика была обычной по стране в целом, потому что главным вопросом в сельском хозяйстве было освоение новых земель. Отсюда хрущевское движение по освоению целины. А вот животноводством Брежнев почти не занимался, концентрации специализации, отраслевым производствам тоже не уделял внимания. Такое было время, ну и личностный фактор играл не последнюю роль. Зато Иван Иванович пользовался, прямо скажем, очень большим авторитетом у производственников и вообще у подчиненных. Все, что он говорил, старались выполнить – вот как мы с Гавриловичем по плавням, я об этом уже рассказывал.

Самое главное: он находил рычаги, способствующие тому, чтобы запустить это производство и получить ожидаемый результат. Это специализация, концентрация и кооперация, внедрение достижений научно-технического прогресса, межотраслевое взаимодействие и, наконец, хозяйственный расчет. И это дало свои плоды. Результат был налицо. Молдавия была одной из передовых республик в области развития агрокомплекса и внедрения наукоемких технологий в других отраслях народного хозяйства.

Я тоже был активным сторонником хозрасчета. Как уже говорилось, я этим занимался сначала в колхозе им. Мичурина, затем когда руководил районом, а потом уже на республиканском уровне. В этом Иван Иванович меня здорово поддержал. И в скором времени уже вся республика была на хозрасчете.

Это был один из лучших руководителей того периода в аграрно-промышленной сфере Молдавии.

В. С.: Я абсолютно согласен с Вами, разделяю Вашу точку зрения об этом человеке и руководителе, хотя в постсоветское время прозвучало и немало негативных отзывов об Иване Ивановиче, прежде всего со стороны тех, кто занимал и продолжает занимать ультраправые позиции в республике. Думается, столь односторонний подход к этой личности в немалой степени связан с критикой советского периода в целом и, соответственно, лидеров той эпохи в частности.

Семен Кузьмич, Вам довелось работать в очень сложный период времени, когда началась перестройка и национальные движения в республиках бывшего Союза, в том числе в Советской Молдавии. Давайте остановимся на этом времени чуть подробнее. В данном блоке вопросов на первом месте стоят следующие: Как Вы оцениваете перестройку, что она дала стране, в том числе Молдавии? И, вообще, нужна ли была она?

С. Г.: Если формально, то перестройка в Молдавии началась вместе с перестройкой в Советском Союзе. И Молдавия очень активно участвовала в этом процессе. Но перестройка в Молдавии и перестройка в СССР в целом несколько различаются. Дело в том, что перестройка в СССР, горбачевская перестройка касалась в основном организационно-политических вопросов, включая управление в сельском хозяйстве. Михаил Сергеевич Горбачев предложил свою перестроечную линию в сельском хозяйстве – создание единого государственного аграрно-промышленного комплекса (Госагропром), то есть речь шла о переводе всего сельского хозяйства на государственное обеспечение. Он исходил из состояния сельского хозяйства в центральных черноземных областях, в том числе речь шла об Урале, Зауралье, Казахстане. Там в колхозах не было денег, поэтому он рассчитывал, что сельское хозяйство должно поддерживаться государством. Такой подход получил не полное одобрение в Центральном Комитете КПСС, отрицательно к нему относились Госплан, Минфин СССР, потому что нужно было обеспечить финансирование, и вообще, сельское хозяйство никогда советским государством не финансировалось.

Молдавия предлагала свой подход – комбинированный путь. Производство технических культур, продовольственных товаров, закупка продукции у колхозов – все это планировалось концентрировать на специализированных госпредприятиях, в совхозах, вместе с заводами. По этой линии были созданы серьезные аграрно-промышленные отрасли.

В. С.: А как смотрели в Москве на такой, во многом самостоятельный подход к интерпретации перестройки?

С. Г.: Неоднозначно. Если возвращаться к характеристике аграрно-промышленных отраслей, то среди них нужно выделить следующие: Молдвинпром – это винодельческая промышленность с совхоз-заводами Молдвинпрома. Молдтабакпром – это табачная промышленность: заготовка табачного сырья, ферментация, переработка, производство самих сигарет. Это – Молдэфирмаслопром. Он занимался производством эфирных масел, затем перешел на производство парфюмерной продукции и т. п. И второе, в чем Молдавия преуспела, – это межколхозная кооперация, то есть концентрация производства продукции сельского хозяйства в колхозах. Без заготовки, без переработки, без государственного финансирования, хотя в РСФСР упор делался на госфинансирование. Мы же предлагали, чтобы колхозы сами зарабатывали, в том числе за счет межколхозной кооперации. То есть главное отличие было в том, чтобы не у государства просить средства, а самим вкладывать. Благодаря такому подходу в Молдавии выросла огромная межколхозная отрасль, с использованием собственных ресурсов и средств. На этой основе строились свинофабрики, птицефабрики, животноводческие комплексы, комплексы по выращиванию молодняка для молочного стада, молочные фермы и т. п. За короткий период времени, благодаря такому подходу, удалось переоснастить и преобразовать животноводческую отрасль в целом. Животноводство, наряду с виноградарством, табаководством стало интенсивной отраслью производства.

И тут нужно сказать, что еще в бытность свою первым секретарем ЦК Компартии Молдавии Иван Иванович не получал полного одобрения со стороны ЦК КПСС в ходе развития комбинированного подхода к развитию различных отраслей сельского хозяйства.

В. С.: А Вы в ходе перестройки тоже не получали одобрения?

С. Г.: Получали, не получали, но мы делали. Я как раз хотел к этому перейти. Сохранялась линия на госфинансирование колхозов. И на каком-то этапе возникло определенное разногласие в тактическом исполнении отдельных аспектов перестройки. Иван Иванович начал активно отстаивать позицию ЦК Компартии Молдавии, Горбачев отстаивал позицию ЦК КПСС. И, по существу, так и получилось. В СССР были созданы государственные предприятия – Госагропром.

В. С.: Но Госагропром был и в Молдавии.

С. Г.: – Да был! Но мы не ликвидировали колхозную систему. У нас работало и то и другое. Можно так сказать – в Молдавии параллельно развивалась межколхозная кооперация за счет собственного финансирования. Наряду с Госагропромом в Молдавии работал и Совет колхозов, все

предприятия межколхозные. Понимаете, у колхозов своя законодательная база, нельзя у колхозов ничего брать... А тут их заставляли школы строить, больницы строить, ФАПы строить. А колхозы не имеют права на это. Они могли строить только производственные мощности, а не социально-бытовые, культурные объекты. Колхозы не имели права клубы строить, больницы. У меня есть очень хороший материал по колхозам, но его так много..., в интервью не войдет (*смеется*). Молдавия стала своего рода экспериментальной площадкой: с одной стороны, не рекомендовали, с другой стороны, мы что-то делали...

В. С.: А такая сторона перестройки, как борьба с пьянством и алкоголизмом... Как она сказалась на развитии винодельческой отрасли, одной из ключевых в сельском хозяйстве Молдавии?

С. Г.: Основным действующим лицом в этом вопросе оказался я. Здесь нужно вернуться к Молдвинпрому. Формирование аграрно-промышленных отраслей позволило в достаточно короткий срок создать крупную отрасль – Молдвинпром, которая за короткий период времени качественно преобразовала виноградарство Молдавии. Был осуществлен перевод виноградарства на привитую систему выращивания, с использованием лучших, французских сортов винограда, было налажено производство качественных сухих белых и красных вин, построено 180 крупных винодельческих заводов по переработке винограда и производству вина, с розливом в бутылки, в том числе и на территории Российской Федерации – 14 заводов по приемке виноматериалов из Молдавии, их обработке, бутилированию и реализации готовой продукции на месте.

Инициатива Михаила Горбачева, направленная на борьбу с пьянством и алкоголизмом, привела к стагнации виноградарства в Молдавии и в СССР в целом, потому что мы производили очень много продукции.

В. С.: Элитные коньяки выливались под протокол?

С. Г.: Нет, мы до этого не дошли. Поначалу мы принимали хорошие меры (*улыбается*). Корчевали виноградники, но корчевали плохо. А что хорошо – перестали производить крепленую продукцию, сократилось коньячно-водочное производство.

Но вопрос о производстве винодельческой продукции стал предметом обсуждения на заседании Секретариата ЦК КПСС. Я на нем был заслушан. Там мне сделали порицание, после чего производство винограда стало сокращаться, увеличилась площадь выкорчеванных виноградников, меньше высаживали. Стали сокращаться производства, объемы финансирования в сельском хозяйстве за счет продукции виноградарства.

В. С.: Хотелось бы затронуть вечно злободневную тему – национальный вопрос в Молдове. Первый «звоночек», обозначающий проблему языкового и этноидентификационного характера прозвучал 14–15 октября 1965 г., когда состоялся Конгресс Союза писателей МССР, на котором писатели пришли к решению о необходимости перевода языка на латинскую графику. Но тогда позиции советской идеологии, интернационализма были еще сильны, и подобная инициатива творческой интеллигенции была купирована. Потом

было длительное затишье, нарушенное как раз во время Вашего руководства республикой, на которое пришлась первая волна национализма – это 1988–1989 гг. Тогда национальные движения уже были заряжены из Москвы. Национальные формирования в союзных республиках курировались и централизованно поддерживались спецслужбами. По сути, Вам и Вашим соратникам «повезло» оказаться в числе свидетелей подготовки большого коллапса – умышленного развала огромной страны, детонатором которого явился национальный вопрос в масштабах Союза и Молдавии в частности.

Вспомните, пожалуйста, как все начиналось.

С. Г.: Вопрос национальных отношений в Молдавии – это вопрос исторический. Он не связан с перестройкой! Время от времени он возникал в истории, в том числе обострился и во время перестройки. Ультраправые движения стали поднимать вопрос о ликвидации Молдавии! Дело касалось даже не языка, а будущего республики, перспектив объединения с Румынией. Только Москва делала вид, что ничего не происходит.

В. С.: Но коммунисты Молдавии в данном вопросе тоже были неоднородны. Имелись и такие, в том числе занимавшие высокие должности, которые поддерживали крайние позиции фронтистов.

С. Г.: Да, безусловно! Это Народный фронт, который провозгласил себя партией с программой, с конечной целью объединения Молдавии с Румынией. Об этом знали и в нашем Комитете госбезопасности, и у меня такая информация была, и в ЦК КПСС знали об этом.

О сложившейся ситуации я лично докладывал Горбачеву. Он в обычном тоне сказал, что все это чепуха, но обещал отправить людей с проверкой. И послал, – послал секретаря ЦК КПСС Александра Николаевича Яковлева и секретаря ЦК КПСС Виктора Михайловича Чебрикова, бывшего председателя КГБ. По приезде Яковлев велел не присутствовать при его встречах с унионистами. Он сам собрал в здании филармонии активистов Народного фронта, членов Союза писателей и провел обсуждение в присутствии рядовых работников ЦК, там не было ни одного секретаря, присутствовали зав. отделами, не выше. Яковлев просил не мешать ему. После этого он поехал в Приднестровье, провел симметричную работу и улетел в Москву, не оставив никаких письменных предписаний.

Иначе повел себя секретарь ЦК КПСС Виктор Михайлович Чебриков. Он заранее позвонил мне о приезде, о поручениях и рассмотрении вопроса. Когда он приехал, мы встретились в ЦК, в КГБ, где рассмотрели все материалы, связанные с деятельностью Народного фронта. Нашли протоколы совещаний, собраний по легализации Народного фронта, созданию партии, с целью ликвидации Республики Молдова и присоединения ее к Румынии. Это главный вопрос, связанный с беспорядками, с нарушениями общественного порядка, которые происходили в Молдавии. Эти требования Народного фронта было трудно соотнести с общенациональными вопросами и формами их решения, в частности: переименование молдавского языка на румынский, перевод его на латинскую графику (первым был, конечно, языковой вопрос), ограничение использования русского языка.

В. М. Чебриков оставил рекомендации по нормализации политической обстановки, доложил Генеральному секретарю М. С. Горбачеву, распорядился – и выделили два батальона милицейской охраны. Тут тогда тоже стали делить местную милицию на «своих» и «чужих». Поэтому когда я говорю о советской милиции, то имею в виду ту, которая не была местной. Так, эти два батальона прибыли из РСФСР, приехали без оружия, со щитами и дубинками, но стояли твердо. Вот благодаря им удалось немного снизить градус напряжения.

В. С.: А как реагировал на вызовы времени Центральный Комитет Компартии Молдавии? Неужели только ждал рекомендаций из Москвы?

С. Г.: Надо сказать, что ЦК КПМ уделял серьезное внимание национальному вопросу. Проблема статуса языков рассматривалась публично, всенародно на собраниях трудящихся (мы такие собрания провели по всей республике), на пленуме ЦК КПМ, на сессии ВС МССР, где в итоге молдавскому языку был присвоен статус государственного. При этом румынский язык как вариант не рассматривался, хотя националисты преследовали цель заменить им молдавский. Русскому языку был присвоен конституционный статус языка межнационального общения в соответствии со статусом русского языка в СССР. Таким образом, на тот момент молдавский язык укрепил свои позиции в связи с тем, что до того времени он не имел государственного статуса, русский язык сохранил свой конституционный уровень (в данном случае речь идет о личном мнении С. К. Гроссу – прим. В. С.) Тем самым была осуществлена попытка введения «реального национально-молдавского и русско-национального двуязычия»⁶ (добавим, что если молдавско-русское двуязычие исторически еще сложилось, то русско-молдавского языкового взаимодействия так и не сформировалось. Многие русскоязычные так и не выучили государственный язык. Проблема продолжает оставаться открытой не только в русскоязычных анклавах – левобережных районах Днестра и в Гагаузии, но и в молдавской столице и во втором по масштабам городе на севере Республики Молдова – Бельцах – прим. В. С.).

В. С.: Летом 1989 г., вернувшись из зарубежной командировки, Вы сняли с себя полномочия I секретаря ЦК Компартии Молдавии. Что послужило толчком к такому решению? Это был Ваш выбор или так решили в Москве?

С. Г.: Я ушел осознанно, вернее не вернулся осознанно, потому что в партии были уже другие люди, с другой политикой (речь идет о сменившем С. К. Гроссу на посту секретаря ЦК КПМ П. К. Лучинском и его команде – прим. В. С.). Фронтисты требовали освобождения от занимаемых должностей бывшего руководства партии, в том числе и меня. Напомню, что я был категорически против создания партии Народного фронта, выступал противником их деятельности, открыто выступал против объединения с Румынией, против румынского языка в Молдавии. Я не их испугался: работать, собственно, было уже не с кем, как я уже сказал, в партии были уже

---

⁶ Так в Законе №. 3465 от 01.09.1989 О функционировании языков на территории Молдавской ССР // Veștile №. 9 статья №: 217 от 01.09.1989.

другие настроения. Да и в ЦК, в Москве, мне дали понять, что нужно уйти. 22 июля 1989 г. я был освобожден от обязанностей первого секретаря и члена Бюро ЦК Компартии Молдавии, с распространенной тогда мотивировкой – «в связи с переходом на другую работу».

В. С.: Но и в руководстве партии к тому времени не было единого взгляда на развитие страны и республики?!

С. Г.: – В руководстве партии были и те, кто поддерживал движение народных фронтов. В Центральном комитете, в Москве, я уже говорил, такие позиции занимал сам Горбачев, идеолог перестройки Яковлев и еще целый ряд людей из высоких московских кабинетов. В партийном руководстве Молдавии тоже были такие «коммунисты». Таким был сменивший меня на посту первого секретаря ЦК Компартии Молдавии П. К. Лучинский, П. А. Паскарь, которого избрали в то время председателем Совета Министров и против него никто не возражал, а тогда не возражали только в том случае если соискатель был лоялен к национал-радикалам. Г. И. Еремей – председатель Совета профсоюзов, член Бюро ЦК – потом, после Лучинского был избран первым секретарем ЦК КПМ, а впоследствии должность вообще упразднили. В числе руководителей, поддерживающих настроения Народного фронта, следует назвать А. Сангели – заместителя председателя Совета Министров, Н. Циу – первого секретаря кишиневского горкома партии. Они прямо с заседания Бюро выходили на улицу и сразу контактировали с фронтистами, ожидающими их там, все им передавали...

В. С.: А какое мнение у Вас сложилось о Михаиле Сергеевиче Горбачеве? Как с ним работалось?

С. Г.: У меня много материала о нем, но я не хотел бы ему давать оценку.

В. С.: Это, впрочем, тоже оценка...

С. Г.: Горбачева привел к власти Андропов. Горбачев был близок с Андроповым. Они контактировали один на один долгие годы. Андропов регулярно ездил в Минеральные Воды, в связи с лечением почек. Не было ни одного раза, чтобы он не встретился с Горбачевым, когда бывал там. Всегда встречались вместе с Раисой Максимовной, вместе обсуждали проблемы. Вспоминаю устроенную ими совместно «экзекуцию» в отношении Сергея Федоровича Медунова. Это был близким человеком Брежнева, с Горбачевым не встречался, он его не знал. Думаю, знать его не хотел... и тем не менее готовил Горбачева Комитет⁷ и лично председатель. Дело в том, что руководитель Комитета Андропов нашел себе подручного в своей философии – Горбачева...

Я внимательно наблюдал за Горбачевым. Вот один из любопытных и показательных моментов: однажды его спросили, откуда он знает Егора Кузьмича Лигачева? На что он откровенно ответил: «Его Андропов нашел!». Они даже не были знакомы... И вообще, у Егора Кузьмича были какие-то нелады с Советской властью. Он из среды репрессированных и т. п. Поэтому Андропов его и взял. Егор Кузьмич долгие годы работал в комсомоле, затем

---

⁷ Речь идет о Комитете государственной безопасности СССР.

работал заворгом, затем длительное время был просто секретарем обкома. А потом у него произошел внезапный взлет, его сразу взяли в ЦК и, как тогда говорили, поставили на пропаганду и агитацию. Так вот, Горбачев вскользь дал знать, откуда появился один из проводников перестройки – Егор Лигачев.

В. С.: Получается, Андропов формировал вокруг себя группу единомышленников и исполнителей?!

С. Г.: Конечно! Андропов очень хотел показать Горбачева Брежневу. Когда Леонид Ильич поехал на поезде в Азербайджан, он поехал через Ставрополье. А Брежнев все переносил встречу. И они так договорились, что когда поезд уже был готов к отъезду, Брежнев все-таки встретился с Горбачевым, подал руку, поздоровался. Сел в поезд и уехал. Вот такая была встреча перед решением Леонида Ильича о судьбе Горбачева. Но тут много особенностей. Горбачев, собственно, не имел никакого отношения к сельскому хозяйству, за исключением того, что в юности работал помощником комбайнера. Он окончил сельхозинститут в Ставрополе после возвращения из Москвы. Ему Кулаков сказал: «Миша, ты должен окончить сельхозинститут!..» Но он был совершенно некомпетентен в сельском хозяйстве, потому Бодюл с ним и спорил. И зря! Не нужно было с ним спорить, это был не тот уровень... По-другому нужно было себя с ним вести. Знаете, я с Горбачевым по работе был достаточно близок. Он бывал несколько раз в Молдавии, с группой первых секретарей. Я возил их по республике, рассказывал все, показывал...

В. С.: С Раисой Максимовной приезжал?

С. Г.: Нет, тогда приезжал без нее. Он был с первыми секретарями. Мне Иван Иванович поручил окружить их вниманием. Признаться, я его быстро распознал. Как только мы познакомились, он стал рассказывать: «Мы в Ставрополье сделали то! Сделали так! Так надо делать!..» Знаете, я с ним не спорил, с такими спорить бесполезно! Слушал – и все, сам не говорил. Бодюл тоже зря спорил... Горбачев мне однажды сказал, что Бодюл не прав. Я не мог Ивану Ивановичу тогда сказать, какое мнение сформировалось о нем в руководстве страны, потому что в такие дразги лезть непорядочно...

Однажды Горбачев сказал мне: «Ты знаешь, Семен, ты не можешь с ними работать!» (речь идет о фронтистах – прим. В. С.). Я говорю: «Михаил Сергеевич, здесь нет альтернативы, они требуют ликвидации Молдавии!» И слышу в ответ: «Да ладно, Семен, да с чего ты взял!.. Да что ты придумываешь!

Он сильно боялся, что в Молдавии может быть такой же нарыв, как в Прибалтике, по его новой политике. Но он зря это делал. Здесь обстановка была напряженная, однако ее можно было удерживать – не то чтобы управлять, но контролировать. Если бы ЦК КПСС хоть слово сказал, если бы меня заслушали по национальному вопросу, а не по виноделию, все могло сложиться иначе! Это же серьезный вопрос, мы не должны были давать слабину!

В. С.: По-разному можно относиться к коммунистической идее, но после развала СССР коммунистические ценности в политической жизни постсоветского пространства также до неузнаваемости изменились.

Прошедшие несколько раз в парламент Республики Молдова молдавские коммунисты были и продолжают оставаться скорее похожими на социал-демократов, нежели на реальных борцов за возрождение коммунистических ценностей...

С. Г.: Увы, беда современной политической элиты Молдовы – стремление к быстрому обогащению.

Вот почему я вовремя ушел. Я видел, кто стал рулить партией, еще перед развалом СССР, и не просто так мне было сказано в ЦК КПСС, что мне нужно уйти. Раз так сказали, зачем было возвращаться? Тем более, когда здесь были такие, как Лучинский, которые тоже работали локтями. И я ушел с поста первого секретаря ЦК КПСС. Официально освобожден от этой должности 22 июля 1989 г. С 23 декабря 1989 г. был зачислен в распоряжение ЦК КПСС, в отдел партийного строительства и кадровой работы ЦК КПСС. А через полгода, 17 августа 1990 г., меня перевели в распоряжение МИД СССР, и я поехал в Мексику, где уже приходилось бывать, в качестве атташе по аграрно-промышленному комплексу.

Я ушел без претензий к кому-либо. Пожалуйста, приходите и работайте. Время было совсем другое: эпоху созидания сменяла пора коллапса и разрушения...

А решили мы на сессии ВС по языку тогда правильно. Очень жаль, что в Москве нас не поняли. Непонимание же произошло потому, что такова была политика Горбачева. Что творилось в Прибалтике, что делалось в Грузии, в других регионах СССР! По сути, Молдавия долгое время оставалась одной из наиболее устойчивых союзных республик. И тем, что мы придали молдавскому языку статус государственного, мы закрыли путь в Румынию! А придание русскому языку статуса конституционно закрепленного языка межнационального общения было не только законным, но и логичным. Ведь когда принимался этот закон о функционировании языков, еще существовал Советский Союз. И такой статус русского языка был логичен. Когда мы рассматривали результаты обсуждений по республике этого вопроса, мы сидели в Президиуме Верховного Совета (я был членом Президиума) и неделю анализировали каждый пункт. Засиживались до утра. И были хорошие люди: был Платон Николай Сергеевич, я с ним работал в Криулянах, он был председателем райисполкома, такой хороший, твердый человек, большой патриот республики, другие коллеги. И у нас никогда не возникали вопросы, как решать проблему с русским и молдавским языком. Четко и ясно договорились, что нужно дать статусы этим двум языкам, чтобы и по линии России был вопрос решен и чтобы никто не имел права притрагиваться к статусу русского языка, и такое же решение было принято по статусу молдавского языка как государственного. Ну, так получилось, что не всем это понравилось. И, по существу, все в этом обвиняли меня, потому что я много раз выступал на сессии: приднестровцы восстали: «Почему русский язык не государственный?» Я с ними много работал. Приглашал на встречи, пытался обсуждать проблему. Некоторые игнорировали, не приходили на заседания. Приходилось увещевать. Голосов и без приднестровцев хватало, но мы же

были единым пространством. В общем, было непросто. С другой стороны, мешали работать национал-радикалы. Одна Леонида Лари⁸ чего стоила. Она была флагманом в Народном фронте. Жена Штефана Великого⁹... Она поднимала вопрос: «Отчего русский язык является языком межнационального общения?» Приходилось объяснять, что молдавским языком владеют не все жители республики. Напомню, что, когда возник этот острый языковой вопрос, не закрытый до настоящего времени, Молдавия являлась частью большой страны, переживавшей непростое время, но все еще могучей и единой державы, которой был необходим один общий язык для взаимопонимания, и таковым исторически мог выступать только русский.

В то время Верховный Совет (так тогда назывался аналог современного Парламента) в большинстве был представлен сторонниками Народного фронта. В нем было много писателей, лиц творческой интеллигенции, разделявших критические взгляды в отношении русского языка. Но многие из писателей, ученых стояли на правильных позициях. Просто с ними нужно было работать. Я встречался с писателями регулярно. Если не ежемесячно, то раз в два месяца точно. Вызывал в ЦК, к ним приходил. Доводилось слышать необоснованные жалобы об обделенности мастеров пера. Ну, во время одной из таких встреч я им привел пример, чем обладала писательская организация при Боцу¹⁰: один из лучших офисов, в центре Кишинева, где каждый писатель имел свой кабинет. В Иванче был построен дом отдыха: лес, озеро. Пожалуйста, приезжай, набирайся вдохновения, отдыхай, работай. Не нравится в доме отдыха – твори дома или в здании Союза писателей. Как-то упустили мы из внимания П. Боцу¹¹. Не сообщил он своевременно, что накопились у него в Союзе писателей проблемы. Я с ним виделся, но, признаюсь, нужно было больше внимания уделять. После его ухода из жизни и началось это национальное бурление среди писателей. На этой горячей теме укрепились отдельные политики. Тот же Лучинский, будучи в республике, с ними заигрывал, обсуждал эти вопросы. Вот Г. И. Еремей¹² пишет, что Иван Бодюл поссорился с Андреем Лупаном, он утверждает, что это свидетельство личных качеств Ивана Ивановича, что Бодюл со всеми разговаривал свысока, никого не уважал. Но, знаете, я Вам скажу, что очень уважаю Ивана Ивановича, хотя мне порой доставалось не меньше, а то и больше, чем многим другим. Потому что я был на острие, те задачи, которые он поставил и

---

⁸ Леонида Лари (настоящее имя – Любовь Ивановна Йорга. Годы жизни: 26 октября 1949, село Бурсучены, Лазовский район, Молдавская ССР – 11 декабря 2011, Кишинев) – молдавская и румынская поэтесса, журналистка и политический деятель.

⁹ В 1989 г. Леонида Лари, при большом стечении народа, действительно сочеталась браком с монументом Штефана Великого в центре молдавской столицы. См: [Рябков, 2016]; [Как молдавская националистка..., 2014].

¹⁰ Павел Петрович Боцу. Пáвел Петро́вич Бо́цу. Годы жизни: 14. 06. 1933, село Чемошир, Бессарабия – 17 февраля 1987, близ села Старые Дубоссары, Молдавская ССР – молдавский советский поэт и писатель, председатель Верховного Совета Молдавской ССР (1980–1985). С 1965 г. до конца жизни – председатель правления Союза писателей Молдавской ССР, с 1967 г. – секретарь правления Союза писателей СССР.

¹¹ 17 февраля 1987 г. П. П. Боцу застрелился на автотрассе из охотничьего ружья.

¹² Григорий Исидорович Еремей (род. 22 апреля 1935, село Тырново, Бессарабия) — советский и молдавский политик, народный депутат СССР (1989—1992), первый секретарь ЦК КП Молдавии (1991), член ЦК КПСС (1990—1991), член Политбюро ЦК КПСС (25 апреля — 24 августа 1991 года).

запустил, зачастую должен был курировать и завершать я, а порой и переделывать, но мы занимались созданием, а после нас (так уж было уготовано историей) начался коллапс большой страны и маленькой Молдавии. Увы, печально видеть, как трудолюбивый народ Молдовы вовлечен в пучину экономической нестабильности и национальных разногласий.

В. С.: Семен Кузьмич, Вы прошли насыщенный и созидательный путь. Наверняка Вас поддерживали Ваши близкие люди, Ваша семья...

С. Г.: Конечно, меня в моих начинаниях поддерживали моя мать Пелагея Андреевна, мой дядя – Николай Михайлович Кирев. Я счастлив, что встретил свою спутницу жизни Галину Сергеевну, мы расписались в 1962 г., а в этом году у нас 60-летие совместной жизни. Мы воспитали двух прекрасных детей. Они – Вячеслав и Светлана – давно выросли. У них уже свои семьи... Семья, конечно, – великая сила!

В. С.: Спасибо, Семен Кузьмич, за подробную беседу! Здоровья Вам и долгих лет радости у семейного очага!

Список литературы:

Как молдавская националистка..., 2022 – Как молдавская националистка замуж за памятник выходила // URL: <https://newsland.com/user/4297824166/content/kak-moldavskaia-natsionalistka-zamuzh-za-pamiatnik-vykhodila/4644075> (дата обращения: 05.09. 2022).

Рябков, 2016 – *Рябков Л.* Зачем нужна мемориальная табличка на доме Леониды Лари, которая обвенчалась с памятником Штефану чел Маре? // URL: КР.МД: <https://www.kp.md/daily/26621.7/3638422/> (17.12.2016; дата обращения: 05.09.2022);

Хальбвакс, 2005 – *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас.* 2005. № 2/3 (40/41). С. 8–27.

References

Kak moldavskaya nacionalistka..., 2022 – Kak moldavskaya nacionalistka zamuzh za pamyatnik vyhodila // <https://newsland.com/user/4297824166/content/kak-moldavskaia-natsionalistka-zamuzh-za-pamiatnik-vykhodila/4644075> (data informacii: 24.09.2014; data obrashcheniya: 05.09.2022).

Ryabkov, 2016 – *Ryabkov L.* Zachem nuzhna memorial'naya tablichka na dome Leonidy Lari, kotoraya obvenchalas' s pamyatnikom SHtefanu chel Mare? // КР.МД: <https://www.kp.md/daily/26621.7/3638422/> (data informacii: 17.12.2016; data obrashcheniya: 05.09.2022);

Hal'bvaks, 2005 – *Hal'bvaks M.* Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // *Neprikosnovennyj zasop.* 2005. № 2/3 (40/41). С. 8–27.